

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2018-7-2-563-575>

ОБЗОР 32-го МЕЖДУНАРОДНОГО ГЕГЕЛЕВСКОГО КОНГРЕССА (5–8 июня 2018 года, Тампере, Финляндия)

АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВ

Доктор философских наук, профессор.

Университет ИТМО, кафедра социальных и гуманитарных наук.

197101 Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: timalex52@gmail.com

КИРА СИЛАЕВА

Магистр философии, преподаватель.

Университет ИТМО, кафедра социальных и гуманитарных наук.

197101 Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: s_kira_v@mail.ru

В данном обзоре освещаются основные моменты работы 32-го международного гегелевского конгресса, проходившего в Финляндии в начале июня 2018 года. Темой данного конгресса был анализ «Энциклопедии философских наук» Гегеля. В большинстве докладов аргументировалась мысль, что форма «энциклопедии» отнюдь не является внешним и случайным ограничением, в котором организовано мышление, она определяется самой природой и своеобразием «метода» диалектически-спекулятивной философии Гегеля. Основной акцент в докладах был сделан на исследование тех форм мышления и знания, с помощью которых Гегель смог дать целостную картину взаимосвязи духа, природы и логических категорий. При этом были обозначены некоторые подходы к использованию гегелевских идей в современных исследованиях. Кроме того, следует обратить внимание еще на одну сквозную тему конгресса: анализ субъективного духа, поскольку в индивидуальном самосознании проблема целостности становится предметной и осознается как объект. В докладах тема субъективности в «Энциклопедии» исследовалась в основном с двух точек зрения: во-первых, рассматриваются различные моменты и связи субъективности с другими разделами Энциклопедии, во-вторых, обосновывается актуальность ее анализа для современных исследований индивидуально-личностных аспектов человека. Также на конгрессе работала секция по теме: «Гегель в России». На ней рассматривалась рецепция гегелевской философии в России. Доклады, представленные на конгрессе и посвященные этому вопросу можно разделить на две группы: русское гегельянство 19 и начала 20 веков и осмысление идей Гегеля в советский период. При этом следует заметить, что гегельянство советского периода привлекло больше докладчиков и вызвало больший интерес, видимо, постольку в нем духовно и идейно отражался

© ALEKSANDR TIMOFEEV, KIRA SILAEVA, 2018

тот проект модернизации, реализованный в России в 20 веке. Кроме того, некоторые доклады были посвящены анализу идей, которые находились в эмиграции в советский период.

Ключевые слова: Гегель, энциклопедии, философская система, дух, природа, категории логики, Россия.

THE REVIEW OF THE 32ND INTERNATIONAL HEGELIAN CONGRESS (June 5–8, 2018, Tampere, Finland)

ALEKSANDR TIMOFEEV

DSc in Philosophy, Professor.
ITMO University, Chair of Social Sciences and Humanities.
197101 St Petersburg, Russia.
E-mail: timalex52@gmail.com

KIRA SILAEVA

M. A. in Philosophy, Lecturer.
ITMO University, Chair of Social Sciences and Humanities.
197101 St Petersburg, Russia.
E-mail: s_kira_v@mail.ru

This review examines the main aspects of the 32nd International Hegel Congress, which was held in Finland in early June 2018. The analysis of Hegel's *Encyclopedia of Philosophical Sciences* was chosen as the central theme of this congress. The participants especially focused on the relation between *Encyclopedia* and Hegel's other works, as well as on the interpretation of the semantic features in various versions of the *Encyclopedia*. Most reports argued that the form of *Encyclopedia* is, by no means, an external and accidental limitation which thinking is organized in, but it is determined by the very nature and originality of the "method" of Hegel's dialectically speculative philosophy. The main emphasis in the reports was laid on the study of those forms of thinking and knowledge, which Hegel applied in order to give a holistic picture of the correlation between the spirit, nature and logical categories. Therein, researchers revealed some ways of employment of Hegelian ideas for modern studies. Besides, we should pay attention to another cross-cutting theme of the Congress, i.e. an analysis of the subjective spirit, since the integrity problem becomes objective and is realized as an object in the individual self-awareness. The section devoted to "Hegel in Russia" became especially prominent for the congress. Reports on this issue delivered at the congress may be divided into two categories, i.e. Russian Hegelianism of the 19th and the early 20th century and comprehension of Hegel's ideas in the USSR period. Therein, it should be noted that Hegelianism of the Soviet period attracted more speakers and aroused more interest for the public, apparently, due to the fact that at that time both it reflected the ideological and inner sides of that modernization project, implemented in Russia in the 20th century. Besides, some reports were focused on the analysis of ideas of emigration of the Soviet period.

Key words: Hegel, *Encyclopedia*, system, spirit, nature, categories of logic, Russian reception of Hegel.

32-й Гегелевский конгресс проходил в финском городе Тампере с 5 по 8 июня 2018 года. Он был организован и проведен Международным гегелевским обществом. Каждый из проведенных ранее конгрессов имел свою стерж-

невую тему. Темой нынешнего конгресса была «Энциклопедическая система Гегеля и ее наследие». Кроме того, финские организаторы конгресса также предложили тему: «Гегель в Финляндии, Скандинавии и России». Всего работало 16 секций и тематических круглых столов. В общей сложности на конгрессе выступило 228 участников¹. Английский, немецкий и французский языки были официальными языками конгресса.

ГЕГЕЛЕВСКАЯ ФОРМА ЭНЦИКЛОПЕДИИ КАК ВЫЗОВ

Очевидно, что в кратком обзоре подробно осветить все детали работы конгресса не представляется возможным. Прежде всего, обратим внимание на то, как трактовалось гегелевское мышление в форме энциклопедии, то есть попытка создания целостного образа реальности и рассмотрение тех форм мышления, которые делают это возможным. Анализу гегелевских приемов интеграции знаний была посвящена основная часть пленарных докладов. Тон дискуссии в первом выступлении задала А. Нуццо (*Angelica Nuzzo*) в докладе “Thinking in the Form of an *Encyclopedia*. The Challenge of Hegel’s Dialectic” («Мышление в виде Энциклопедии. Вызов диалектики Гегеля»). Она аргументировала основной тезис, состоящий в том, что форма «Энциклопедии» отнюдь не является внешним и случайным ограничением, в котором организовано мышление, а она определяется самой природой и своеобразием «метода» диалектически-спекулятивной философии Гегеля. Это конкретный способ, которым диалектическое мышление движется в процессе определения, который обязательно, во-первых, имманентен и самогенерируется, во-вторых, непрерывен и, в-третьих, полон или систематичен, что требует энциклопедической формы. В заключении она высказала суждение, что мышление в форме энциклопедии — это вызов, который Гегель ставит перед нами сегодня, в эпоху фрагментации и разрыва, в которой отказ от полноты (и тотальности) часто превращается в добродетель.

Рассматривая проблему целостности знания у Гегеля Р. Уоллес (*Robert M. Wallace*) выступил на тему “How Plato and Hegel Integrate the Sciences, the Arts, Religion, and Philosophy” («Как Платон и Гегель объединяют науки, искусство, религию и философию»). Он обосновывал мысль, согласно которой, тот и другой философы решали проблему интеграции, опираясь на понятие «дух»; причем Гегель развивал намеки Платона на эти вопросы и его подход решает до

¹ В программе конгресса даже для пленарных докладов организаторы конгресса не всегда указывали название организации, которую представлял участник. Для секционных докладов в программе была указана только тема и фамилия и имя выступающего.

сих пор, в явной или неявной формах, пронизывающие нашу культуру споры между наукой, искусством, религией и философией о том, что находится в основании целостности.

П. Реддинг (*Paul Redding*) попытался обозначить логические аспекты гегелевского понимания единства знания. Тема его доклада была названа “Putting the Cycle back into Hegel’s *Encyclopaedia*” («Возвращение цикла в “Энциклопедии” Гегеля»). По его мнению, гегелевская энциклопедическая система описывает круговой путь, заканчивающийся философией, тем самым доводя читателя до точки, с которой началась Энциклопедия, до логики. В докладе он утверждал, что этот цикл основан на определенной динамике в основе логики Гегеля, которая становится наиболее явной в его таксономии развития форм суждения. Различные формы суждения порождены процессом, связанным с циклическим чередованием двух разных форм предикации — предикация как неотъемлемости предиката в субъекте и предикация как подведение субъекта под предикат. При этом логическая динамика сама по себе может быть понята как следствие типа логики, необходимого для проекта обоснования когнитивных действий в циклах интерсубъективного распознавания.

В других докладах были рассмотрены различные дискуссионные моменты понимания гегелевской энциклопедии. Так, например, Э. Рено (*Emmanuel Renault*) в своем докладе: “Philosophy and Experience. A Significant Difference Between the First and the Last Versions of Hegel’s *Encyclopedia*” («Философия и опыт. Существенное различие между первой и последней версиями “Энциклопедии” Гегеля») попытался оппонировать устоявшее мнение, воспринимающее разные версии гегелевской Энциклопедии как единое целое. Он поставил под сомнение тезис, что нет существенного различия между версиями 1817 и 1827 годов. С его точки зрения, первая версия соотнесена с феноменологически понятым опытом, вторая же опирается на более широкое понятие эмпиризма. При этом различные оценки отношения философии к опыту приводят к различным оценкам связи сущностных определений и эмпирических наук.

В секционных выступлениях тема понимания роли энциклопедичности гегелевской философии также была доминирующей. Представим лишь некоторые аспекты рассмотрения. Так Л. Сала (*Lorenzo Sala*) в своем докладе “*Voraussetzungslosigkeit and the Necessity of an Encyclopaedic Structure for Philosophy*” («Беспредпосылочность и необходимость энциклопедической структуры для философии») показал, что как раз отсутствие целостности ведет к необходимости принятия некоторых внешних предпосылок в философском мышлении, в то время как гегелевское понятие мысли, включая в себя момент всеобщно-

сти, реализованной в энциклопедической структуре, позволяет избегать внешних, то есть взятых произвольно предпосылок.

Генетические моменты целостности анализирует *Й. Кубо (Yochi Kubo)* его доклад „Manifestation der Substanz durch die Erkenntnis. Über die ‚genetische Exposition des Begriffs‘ bei Hegel“ («Проявление субстанции через познание. О “генетической экспозиции понятия” у Гегеля») стремится выявить единство субъективных и объективных моментов субстанции как основания полноты и бытия и знания, дающие определение абсолютности. Он полагает, что у Гегеля субстанция развивается к абсолютности и содержит в себе момент субъективного движения, в то время как у Канта субстанция означает нечто пребывающее.

Важный момент развития целостной формы знания рассматривает в своем докладе „Der Übergang von der Vorstellung zum Begriff als ‚Sündenfall des Denkens‘“ («Переход от представления к понятию как “грехопадение мысли”») *С. Бём (Sebastian Böhm)*. Он показывает, что переход от представления к понятию у Гегеля должен быть понят как отрицание отрицания. Внутренняя недостаточность формы представления благодаря этому становится субъективно осознанной. Он анализирует этот процесс на примере формального мышления эпохи Просвещения, которое развивается как момент отрицания, как отмена содержания религии, и, следовательно, как осознание внутреннего противоречия представления.

В нескольких докладах были сделаны попытки осмысления отдельных моментов энциклопедичности у Гегеля. Например, *Н. Гусева (Nina Gusseva)* в докладе “Dialectical Method in Philosophy and the Future of Philosophy: to the 200th Jubilee of Hegel’s *Encyclopedia of the Philosophical Sciences*” («Диалектический метод в философии и будущее философии: к 200-летию “Энциклопедии философских наук” Гегеля») анализирует диалектические особенности построения энциклопедии и полагает, что для ее адекватного анализа необходимо отказаться от понимания методологии как функционально-методологического явления, сводящего к инструментальной стороне сущность методов и процессов исследования, которая не дает возможности усмотрения единой логики процессов и отношений, присущих миру и человеку.

В похожем ключе рассуждает *А. Беккер (Anne Becker)*. Свой доклад „Von der Verinnerlichung zur Intensivierung der seinslogischen Methode (1812 — 1831/32)“ («От углубления к интенсификации бытийно-логического метода (1812–1831/32)») она посвятила анализу того, как сам Гегель углублял свою философскую методологию «выворачивая» (*Umkehrung*) внешнего для открытия

внутреннего и затем уточнял свой метод в движении от внутреннего к интенсификации.

А. Накашима (*Arata Nakashima*) в докладе: „Was ist die Chemie in der Enzyklopädie?“ («Что такое химия в “Энциклопедии”?») показывает, что Гегель обсуждает химию не как часть естествознания, а как предмет философии, где химия играет решающую роль в качестве опосредствующей стадии между механизмом и организмом.

В нескольких сообщениях докладчики анализировали исторически более ранние попытки целостной организации знания. Так Г. Лежене (*Guillaume Lejeune*) в докладе „Die Idee einer Enzyklopädie von Bacon bis Hegel“ («Идея энциклопедичности от Бекона до Гегеля»), отталкиваясь от мыслей Бекона о методологически связанной форме знания, показывает, что в реализации энциклопедического проекта в свете современной истории можно выделить как минимум три направления — составление, *ars combinatoria* и систему. Энциклопедисты, Новалис и Гегель являются основными представителями этих трех тенденций. Гегелевское понимание энциклопедии как системы предполагает решение вопроса о связи конечности и бесконечности, а также вопроса об историчности знания и познания.

А. Новохатко (*Alexey Novokhatko*) в докладе „Wissenschaftslehre‘ und ‚Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften‘: Historismus — Selbstbewusstsein — Sprache“ («“Наукоучение” и “Энциклопедия философских наук”: историзм-самосознание-язык») обсуждает взаимосвязь содержания «Наукоучения» Фихте и «Энциклопедии философских наук» Гегеля. Эти два концептуальных подхода объединены тем, что проблема возникновения и развития самосознания является проблемой исторического образования человеческой деятельности в онтогенезе и филогенезе. Потребность в создании языка возникает именно в пространстве объекта деятельности. Язык определяется мышлением в своем универсализме и устойчивости.

В целом большинство докладов, представленных на конгрессе, так или иначе, касались анализа гегелевского подхода к представлению целостного, энциклопедического характера философского знания. Можно надеяться, что идеи, высказанные и обсужденные на конгрессе, будут востребованы в становлении новых современных форм системного знания. В связи с этим следует обратить внимание еще на одну сквозную тему конгресса: анализ субъективного духа, поскольку именно в индивидуальном самосознании проблема целостности становится предметной и осознается как объект интеллектуальной деятельности.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ДУХ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧНОСТЬ ЗНАНИЯ

Отправным пунктом рассмотрения темы связи субъективного духа с энциклопедичностью знания следует считать доклад *М. Быковой (Bykova Marina)* “On the Systematic Role of the Phenomenology within *Encyclopedia* and the Relation of the *Encyclopedia* Phenomenology to the *Phenomenology of Spirit*” («О систематической роли феноменологии в “Энциклопедии” и связи феноменологии “Энциклопедии” с “Феноменологией Духа”»). В данном докладе сделана попытка понять системную роль раздела феноменологии в Энциклопедии. В нем аргументируется тезис, что настоящая цель феноменологии в Энциклопедии — это не просто изучение трансформации сознания от естественной непосредственности (абстрактное Я = Я) в самосознание, но и демонстрация того, что эта трансформация может быть полной, только если индивидуальное самосознание способно осознать себя необходимо связанным с всеобщим, то есть интересубъективно опосредованным самосознанием. В этом смысле задача раздела феноменологии состоит в том, чтобы выявить необходимость интересубъективных отношений, как для самореализации личности, так и для самой возможности самости в целом.

В других докладах тема субъективности в Энциклопедии исследуется в основном с двух точек зрения: во-первых, рассматриваются различные моменты и связи субъективности с другими разделами Энциклопедии, во-вторых, обосновывается актуальность ее анализа для современных исследований, касающихся индивидуально-личностных аспектов человека.

Э. Чанат (Emmanuel Chaput) в докладе “Nature as *Umwelt* and ‘the Universal, Thinking Animal’” («Природа как окружающий мир и “всеобщее, мыслящее животное”») рассматривает то, как Гегель концептуализирует идею жизни в последних разделах своей философии природы в Энциклопедии (1830). Важность идеи жизни двояка: с одной стороны, она позволяет нам отличать цели и методы эмпирических наук от объекта и метода спекулятивной науки. С другой стороны, в основе отношений между природой и духом лежит само понятие жизни. Действительно, переход от философии природы к философии (субъективного) духа и сознания становится возможным только через постижение жизни и того, как живое существо понимает связь со своим окружением. Такое отношение к окружающей среде конституирует как существенную структуру жизни, так и предпосылку для духа и сознания.

Более глубокие основы субъективности в гегелевской философии природы пытается найти *Э. Барбагалло (Ettore Barbagallo)*. В его докладе „Der Ma-

teriebegriff als Grundlage des enzyklopädischen Programms der Naturphilosophie“ («Понятие материи как основа энциклопедической программы философии природы») утверждается мнение, что у Гегеля материю в ее идеальности, с одной стороны, можно рассматривать в соответствии с § 248 Энциклопедии как «не-сущее», а с другой — она не является голой негативностью, а представляет собой реальное единство пространства и времени, имеет внутреннее стремление к центру и форме, которое формирует все развитие природы вплоть до жизни и субъективности.

Заметное внимание в докладах конгресса было уделено проблеме целостности человеческой субъективности, понятой не только в смысле целостности личности, но и в качестве целостности человека как такового. Например, Э. Шнайдер (*Eva Schneider*) для своего доклада избрала тему: „Die hylemorphtische Beziehung zwischen Seele und Körper bei Hegel“ («Гилеморфические отношения между душой и телом у Гегеля»). Она показывает, что в интерпретации этой темы Гегель опирается прежде всего на Аристотеля и его глубокое спекулятивное понимание взаимосвязи материи и формы при истолковании отношения души и тела.

Другой аспект человеческой целостности исследует Х. Камидо (*Hisanori Kamida*) в докладе “Disease and Death: The Relationship Between Body and Mind at the Transition from Philosophy of Nature to Philosophy of Spirit” («Болезнь и смерть: отношения между телом и разумом при переходе от философии природы к философии духа»). Он стремится выявить систематические связи между природой и субъективным духом в философии Гегеля и обосновать собственную роль болезни и смерти для понимания связи тела с умом. В докладе показано, что «негативность» этих понятий в биологической телеологии служит для различения и соединения области тела с областью разума.

Еще одну сторону отношения человеческой субъективности и природы у Гегеля выявляет М.-К. Паредес-Мартин (*María del Carmen Paredes-Martín*), она сделала доклад по теме: “Soul and Consciousness in the *Encyclopaedia* of 1817” («Душа и сознание в “Энциклопедии” 1817 года»). В нем исследуется вопрос о рождении человеческой души. По ее мысли в гегелевской трактовке души подчеркивается, что она не только нематериальна для себя, но и выражает всеобщую нематериальную сторону природы. Кроме того, понятие «душа» определяется как такое формообразование, в котором происходит пробуждение (*Erwachen*) сознания от сна материальной природы. Представление о душе как спящей и бодрствующей открывает путь к объяснению дифференциации вселенской души на определенные качества и распад ее на отдельные души как

субъекты. Таким образом, в этих и некоторых других докладах проанализировано, как субъективный дух включается Гегелем в целостный круг знания и познания.

Актуальность гегелевских идей, касающихся истолкования целостности субъективного духа выражается в том, что их пытаются сегодня использовать в решении сложных проблем, связанных с пониманием духовной сферы человеческого бытия.

В настоящее время во всем мире когнитивистика является объектом повышенного внимания и *Р. Адольфи (Rainer Adolphi)* в докладе на тему: „Der ‚Geist‘ der Hegelschen Anthropologie und die ‚Selbst‘ — Modelle der Kognitionswissenschaften“ («„Дух“ гегелевской антропологии и модели “самости” в когнитивных науках») стремится аргументировать тезис, что программа обоснования наук типа гегелевской Энциклопедии может дать как плодотворную, так и критическую, «рамочную» ориентацию для когнитивистики. Она может обсуждаться на основе наиболее перспективных в настоящее время новых парадигм *embodiment* и «энактивизма». Чтобы это показать, автор фокусируется на анализе соответствующих процессов «духа» и его воплощений в гегелевской программе Энциклопедии.

В докладе *Д. Куликова (Dmitry Kulikov)* “Hegel’s Concept of Self-Consciousness and the Contemporary Activity Theory” («Гегелевская концепция самосознания и современная теория деятельности») обоснована мысль, что гегелевская концепция самосознания имеет важное значение для современной теории деятельности. Особое внимание в докладе уделено проблеме объяснения полиморфизма мышления человека. Теория деятельности утверждает, что существуют универсальные логические законы и что многообразие мышления функционально, а это значит, что каждая форма развивается в направлении к определенному виду задач.

В докладе *Ф. Уэска (Fernando Huesca)* “Philosophy of Mind in Hegel’s *Encyclopedia: Towards a Sociohistorical Theory of Human Cognition*” («Философия разума в “Энциклопедии” Гегеля: к социоисторической теории человеческого познания») исследуется роль Гегеля в истолковании человека как свободного и рационального агента, и в качестве автономного деятеля, реализующего универсальные конечные цели. При этом энциклопедическая и системная мысль Гегеля прокламируется как методологическое руководство в философии действия и философии разума.

Таким образом, на данном конгрессе трактовка идей Гегеля о глубинной связи субъективной и объективной полноты знания и познания была соотне-

сена с проблемами современной философии и продемонстрирована актуальность идей Гегеля для современной философии.

ГЕГЕЛЬ В РОССИИ

Организаторы 32-го гегелевского конгресса наряду с основной темой решили добавить в работу конгресса еще и дополнительную региональную тематику — рецепция философии Гегеля в странах севера Европы и России. Для докладов по теме: «Гегель в России» была организована отдельная секция. Прежде чем освещать работу этой секции следует сказать, что русскоязычные участники были весьма заметны на данном конгрессе. По подсчетам авторов данной статьи в различных секциях работал 21 русскоязычный участник. Санкт-Петербург был представлен, по крайней мере, пятью докладчиками, в том числе *А. Муравьев (Andrej Muravev)* с докладом „Hegels Einschätzung von Leibniz' Doktrin“ («Гегелевская оценка учения Лейбница») и *А. Иваненко (Anton Ivanenko)* с докладом „Hegels Kritik an Fichtes Philosophie in ‚Glauben und Wissen‘ und in den ‚Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie“ («Критика Гегелем философии Фихте в трактате “Вера и знание” и “Лекциях по истории философии”») выступили от Института философии СПбГУ.

Что касается собственно рецепции гегелевской философии в России, то доклады, представленные на конгрессе и посвященные этому вопросу можно разделить на две группы: русское гегельянство XIX и начала XX веков и осмысление идей Гегеля в советский период. При этом следует заметить, что гегельянство советского периода привлекло больше докладчиков и вызвало больший интерес, видимо, поскольку в нем духовно и идейно отражался тот проект модернизации, который был реализован в России в XX веке.

Предметом анализа русского гегельянства XIX и начала XX веков стали два его крупнейших представителя Борис Чичерин и Николай Дебольский. С докладом “The Transformation of Hegelian Philosophy in B. N. Chicherin's Metaphysics and Political Philosophy” («Трансформация философии Гегеля в метафизике и политической философии Б. Н. Чичерина») выступил *В. Куприянов (Victor Kupriyanov)*. В нем он рассмотрел понимание Чичериным гегелевской системы с акцентом на политическую философию. Автор показывает ключевые идеи чичеринского либерализма, производные от Гегеля, и, таким образом, демонстрирует историю специфического русского либерализма, основанного на гегелевской философии.

А. Тимофеев (Aleksandr Timofeev) в докладе „Nikolai Debolskiy als Hegelianer und Kritiker Hegels“ («Николай Дебольский как гегельянец и критик Гегеля»)

стремился раскрыть особенности рецепции философии Гегеля Н. Дебольским как представителем русского консервативного гегельянства. Философию Гегеля Дебольский полагал вершиной развития идеализма. Особенно значимыми он считал, во-первых, гегелевский тезис о разумности действительности и его анализ функций разума, во-вторых, диалектический метод, который позволяет соединять противоположности. Рассматривая недостатки, он подробным образом проанализировал гегелевскую интерпретацию категории «бытие» в отношении с категорией «ничто». При этом он делал вывод, что в понимании взаимосвязи этих категорий находится главная ошибка гегелевской логики. Кроме того, он видел недостатки Гегеля в его пантеизме, а также в умозрительном характере философствования, который не позволяет соединить философию и опытное естественнонаучное познание.

К этому же периоду анализа рецепции Гегеля в России можно отнести и доклад *Т. Коломейцевой (Tatiana Kolomeytseva)* “Hegel’s Philosophy of History as a Theodicy in Ivan Ilyin’s Interpretation of Hegel” («Философия истории Гегеля как теодицея в интерпретации Гегеля Иваном Ильиным»). В нем показано принципиальное отличие традиционного религиозного понимания Бога от трактовки Бога Иваном Ильиным в его интерпретации гегелевской мысли. В вопросе теодицеи Ильин не использовал идею о жизни после смерти. Он доказал, что в системе Гегеля жизнь для людей есть страдание. Страдания для Ильина экзистенциальны. Человек страдает, потому что Бог не могущественен. Бог не может войти во все многообразие жизни людей. Для Ильина в отличие от Гегеля философия истории не основана на логике, она, скорее, своего рода религиозный опыт, вид панмистицизма.

Как уже отмечалось, анализ советского периода рецепции философии Гегеля был представлен на конгрессе в большем объеме и вызвал больший резонанс. С пленарным докладом “Hegel in the Mirrors of Soviet Philosophy: From Love to Hate and Back Again” («Гегель в зеркале советской философии: от любви к ненависти и обратно») выступил *А. Майданский (Andrei Maidansky)*. В нем он обосновывает тезис о том, что марксисты, рассматривали философию Гегеля как парадоксальное сочетание «прогрессивного» и «реакционного», как рабское извинение за современность и, одновременно, «алгебру революции». В советское время, в зависимости от идеологической конъюнктуры, на первый план выдвигалась та или иная из этих двух сторон. Соответственно, любовь и ненависть сменяли друг друга. В докладе были рассмотрены основные работы и события в противостоянии гегелевских и антигегелевых крыльев советской философии, при этом особое внимание было уделено наиболее оригинальным гегелевским исследованиям Э. В. Ильенкова.

Доклад *Д. Кайдалова (Denis Kaidalov)* “Evald Ilyenkov on Hegel’s Logic” («Эвальд Ильенков о логике Гегеля») был посвящен анализу соотношения гегелевских и марксистских элементов в диалектической логике Э.В. Ильенкова. Аргументировался тезис, что ильенковская интерпретация Гегеля исходит из непонимания спекулятивной стороны логики и приближается к ее рассудочному пониманию (*verständige*). Хотя Ильенков критиковал догматические «перегибы» марксизма, он оставался верен марксизму, когда речь заходила об отношении мысли к реальности. Воспринимая реальность как независимую от мысли, Ильенков проводил четкое различие между мыслью и реальностью. Он вслед за Марксом обвинил Гегеля в обожествлении и абсолютизации мысли.

Рецепции эстетических идей Гегеля в советской философии был посвящен доклад *Н. Татаренко (Nataliya Tatarenko)* “Mikhail Lifshitz and Mikhail Ovsyannikov: Reception of Hegel’s Aesthetics in Russia” («Михаил Лифшиц и Михаил Овсянников: восприятие гегелевской эстетики в России»). В нем через указанные персоналии были проанализированы два основных способа восприятия гегелевской эстетики. М. Лифшиц, имевший непосредственное отношение к художественному творчеству, анализирует эстетику Гегеля с точки зрения художника и историка искусства. М. Овсянников, долгие годы преподававший историю философии в Московском университете, рассматривает эстетику Гегеля в рамках своей философской системы.

Тема «Гегель в России» привлекла внимание не только русскоязычных специалистов. Так *В. Финоччаро (Valeria Finocchiaro)* представила на конгрессе доклад “Hegel from Lenin to Stalin” («Гегель от Ленина к Сталину»). В нем утверждается принципиально различный подход к Гегелю Ленина и Сталина. Если для Ленина было невозможно читать Маркса без гегелевской логики, то Сталин осуждал Гегеля как буржуазного теоретика, несовместимого с философией диалектического материализма. Автор доклада стремится выявить причины, по которым после Ленина Гегель стал объектом жесткой теоретической полемики и которые связаны с вопросом отношения разума и политической воли в историческом процессе.

С. Фрайберг (Sascha Freyberg) в докладе „Die Form und ihre Wirklichkeit. Zum Werk von Michail Lifschitz“ («Форма и ее реальность. К произведениям Михаила Лифшица») анализирует трудности, связанные с пониманием культурно-философского стиля советского публициста и философа Михаила Лифшица, который включает как ссылки на Гегеля и Маркса, так и ссылки на исторические и практические догматы популярной философии и опирающуюся на нее догматическую критику искусства. Культурная философия М. Лифшица

понимается как философия объективного духа, которая позволяет выразить и реконструировать связь и взаимное усиление форм восприятия, сознания, а также действия и общества.

Кроме этого следует упомянуть и *М. Возняк (Monika Woźniak)* с ее докладом “Dialectics Without Mediation? The Concept of ‘Existential Dialectics’ in Works of Nikolai Berdyaev and its Relation to Hegel” («Диалектика без опосредствования? Концепция “экзистенциальной диалектики” в творчестве Николая Бердяева и ее отношение к Гегелю»). В нем рассматривается поиск Бердяевым после 1927 г. философского метода, более подходящего для его понимания динамичного характера человеческой свободы и заимствования для этого некоторых аспектов гегелевской диалектики.

Своеобразным резюме темы «Гегель в России» и одновременно призывом к будущей работе стал доклад *П. Нешитова (Peter Neshitov)* “The Hegelian Spirit of Russian Philosophy” («Гегелевский дух русской философии»). В нем основную роль играет мысль о необходимости более «качественного» и глубокого философского мышления в России. Согласно докладчику, изучение лучшей мировой философии необходимо для того, чтобы иметь оригинальное философское мышление. Докладчик полагает, что Гегель — «чемпион мира» по философии благодаря своей логической, системной и исторической силе, и единственный путь философского развития лежит через его работы. Поскольку логика составляет метод и ядро мысли Гегеля, те, кто спорят с Гегелем, должны воспринимать и совершенствовать именно его логику. В логически бессознательных исследованиях культурного или природного бытия нет философского достоинства и гегелевский дух русской философии ждет воплощения в словах, наполненных жизнью.

* * *

Гегелевские конгрессы проходят один раз в два года. Они определенным образом итожат и координируют работу над философией Гегеля и одновременно способствуют развитию современной философии как таковой. 32-й гегелевский конгресс в определенной мере выполнил обе эти задачи, дав историко-философский анализ проблемы целостности знания и обозначив некоторые подходы к использованию гегелевских идей в современных исследованиях.